

An impressionistic painting of a wooden fence and a path. The fence is made of vertical wooden planks, some of which are dark and weathered, while others are lighter. A path leads from the bottom left towards the center of the fence. The background is filled with dense, textured foliage in various shades of green and blue. The overall style is painterly and expressive, with visible brushstrokes and a rich, layered color palette.

ВИКТОР МОСПАН

ПУТЬ

СТИХИ

Виктор Моспан

Путь. Стихи

«Литературная Республика»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Моспан В. В.

Путь. Стихи / В. В. Моспан — «Литературная Республика»,
2017

ISBN 978-5-7949-0596-0

Виктор Васильевич Моспан родился 28 марта 1946 года в селе Андруши Киевской области. Служил в армии в Казахстане. Окончил факультет русского языка и литературы пединститута. Десять лет проработал в Воениздате, а затем – долгое время в редакционных коллективах МВД ССР и Российской Федерации. Полковник в/с в отставке. Член Союза писателей России. Живет в Москве. Книгу составили избранные стихи из предыдущих сборников и периодики — результат полувекового труда. Книга издаётся в авторской редакции.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0596-0

© Моспан В. В., 2017
© Литературная Республика, 2017

Содержание

Стихотворения	8
«Не великие зодчие...»	8
Темнота	9
Гитара	10
Вдохновение	11
«В парк ворвался с виража...»	12
«Я вспомнил деревянную церквушку...»	13
«Большое украинское село...»	14
«Я душу окропил живой водою...»	15
Степь	16
Осенний лес	17
Предчувствие	18
«Вот и всё. Ушла любовь от нас...»	19
«Тот, кто несуетно умён...»	20
Ночные окна	21
Пробуждение	22
Солдаты шли...	23
«Молва идет...»	24
Ночь	25
«Отхлынула любовь, как полая вода...»	26
«Пора приниматься за дело...»	27
«Гроза идёт...»	28
Воспоминание о строевой песне	29
«Живу – сгораю. И сгорю...»	30
Первый снег	31
О жизни	32
«Ещё капли канитель...»	33
«Я вспомню забытое что-то...»	34
Московский воробей	35
Похмелье	36
Власть бывшего	37
«Дожди идут...»	38
Ненастье	39
Элегия	40
Воспоминания	41
(Из Рыльского)	43
(Из Рыльского)	44
«Доверять февралю – как довериться сердцу кокетки...»	45
«Алло...»	46
Восточный мотив	47
(Из Рыльского)	48
«Рифмуются прекрасно...»	51
«Остались от любви моей к тебе...»	52
Сверхзадача	53
(Из Рыльского)	54
К Елене	55

«Утром, вечером, и ночью, и средь бела дня...»	56
«Любовь прошла...»	57
«Сродни шаманству наше ремесло...»	58
«Рванутся души, словно дети...»	59
«Угрюмый и робкий, как зимний рассвет...»	60
«У тети Серафимы...»	61
«Безнравственна поэзия, мой друг...»	62
На Родину	63
Перелётные птицы	64
«По снежной российской равнине...»	65
Рифма	66
Весна	67
Юность	68
Раскованность	69
Постоянство	70
«Вот и настала пора...»	71
«...И ты упал в цветы...»	72
«Не сетуй, что песенка спета...»	73
Надпись	74
«Справа сосны, слева ели...»	75
Март	76
Примета	77
Голоса	78
Признание	80
Мастерство	81
Ночной костер	82
Красота	83
«Я встречал красивее, чем ты...»	84
«Не обижай и мураша...»	85
«Кого ты только не оплакал...»	86
И снова осень	87
(Из Франко)	88
(Из Гейне)	89
Ветеран	90
«Никогда наподобье улитки...»	91
«...И пришла золотая пора...»	92
«Когда другие в мыле прямиком...»	93
«Память ранней тихой осенью...»	94
Спор	95
Приглашение на дачу	97
«Отпылала листва и опала...»	98
Южный Крым	99
Страна берендеев	101
«Это трудно объяснить...»	102
Росток	103
«Душа десятки лет во мне...»	104
«Молодец, сбившийся с круга...»	105
Разговор	106
Подсолнухи	107

Сокровенное	108
О любви к природе	109
«Из белой и сиреневой синели...»	110
«Последние листья подлеска...»	111
Июль	112
«Прощайте навек, Андруши...»	113
Лесное молчание	114
«Увы, снисхождение к людям...»	115
Родословная	116
«Там, где стоят над атоллom...»	117
«Леса в апреле сиротливы...»	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Виктор Моспан

Путь

*Ни сожаленья, ни тревоги —
Того, что было, не вернуть,
А все житейские дороги
Составили в итоге —
Путь.*

© Моспан В., 2017.

© Московская городская организация России

© НП «Литературная Республика»

Стихотворения (1965–2016)

«Не великие зодчие...»

Не великие зодчие —
Мужики крепостные,
Что рождались без отчества,
Умирали босые,
В армячишках с прорехами
Топорами стучали,
Возводили над реками
Храмы русской печали
И былинного горюшка...
Мастера неизвестны,
Но стоят на пригорочках
Лебединые песни.

Темнота

Улеглась у окошка
Темнота,
Словно черная кошка,
Да не та,
Что суха, обогрета
И сыта...
О, бездомная эта
Темнота!

Гитара Романс

Гитара с трагическим звоном,
О прошлых годах расскажи,
Когда я был юным, влюблённым,
Не знал обольстительной лжи.

И весело струны звучали,
И радость была на лице.
Но то, что бывает в начале,
Не часто бывает в конце.

Меня обманули, забыли,
Смеясь над наивной душой.
С тех пор мы с тобой полюбили
Друг друга любовью большой.

Так пой же с надрывом, гитара,
Звени про минувшие дни.
Я стал преждевременно старым,
С тобой мы остались одни.

Я скоро умру, и, быть может,
Друзья, мои песни любя,
В могилу со мною положат
Гитару-подругу, тебя.

Вдохновение

Я знаю,
Раз в душе иссяк
Святой источник удивлений,
Слова верти и так и сяк —
В стихах не будет откровений.
Что за беда —
сиди и жди
(Рот сжат молчаньем, как тисками).
Лишь иногда идут дожди
В пустыне жёлтой над песками.
И то,
хотя и моросит,
Но, до земли не долетая,
Под серой тучей дождь висит —
Увы, надежда золотая...
Пусть нет угрюмее труда,
Ты жди —
с трудом раздвинув камни,
На дне источника вода
Забьёт весёлыми толчками.

«В парк ворвался с виража...»

В парк ворвался с виража
Ветер-лиходей —
Листья сыпятся с ветвей,
Падают кружа.

По воде плывут, летят —
Паруса полны,
Словно в край своей весны
Вновь попасть хотят.

«Я вспомнил деревянную церквушку...»

Я вспомнил деревянную церквушку
(Весной над куполами птичий гам),
Похожую на девушку-хохлушку,
Идущую с братишкой по лугам.

В счастливом детстве, в цвинтаре играя,
Не знал я, что за все благодаря, —
Как Андруши не встретить больше рая, —
Сказал однажды автор «Кобзаря».

Он вспоминал село в песках пустыни
И видел, как мираж в палящей сини,
Вишневым белым садом расцвело,
Дойдя из века права крепостного,
Дотла сгорая и вставая снова,
Большое украинское село.

«Большое украинское село...»

Большое украинское село...
Над ним бушует Каневское море.
А было... В паводок, волнам назло,
Как “чайки” запорожцев на просторе

С днепровским свежим ветром в парусах,
Выныривали хаты из тумана —
Высокий купол церкви в небесах,
Как шапка куренного атамана.

«Я душу окропил живой водою...»

Я душу окропил живой водою,
Холодной, словно в полдень из Днепра.
Моя душа желает быть святою,
Открытою криницею добра.
Такой, как та. У хаты. Под ветлою.
Её копал отец мой молодой.
Известная своею голубою,
Едва ли не целебною водою.
И становилось больше год от году
Людей, что пили и хвалили воду.
Никто не обходился без того
Из множества прохожих и проезжих.
Вкус той воды – одно из самых свежих
Воспоминаний детства моего.

Степь

Всё неподвижно в мертвом царстве зноя.

Что говорить о людях и животных,
О ковылях и о полях пшеницы,
Когда у ветра даже нет охоты
Вприпрыжку по дороге пробежаться.

Всё изнаывает в мертвом царстве зноя.

Один орёл доволен:
Как прекрасно
Лежать,
Раскинув крылья,
На упругих
Воздушных
Подпирающих потоках
И знать,
Что ты счастливей всех на свете.

Осенний лес

В осенний лес пугливой тропкою
Бесцельно как-нибудь приди
В ту пору осени короткую,
Когда уже не льют дожди.
Когда он каждой веткой нервною
И каждой жилкою листа —
Весь в ожиданье снега первого,
Когда в просветах — даль чиста.

Чем гость добрей, приём радушнее,
И ты двустволку и ягдташ
Оставил дома.
Что оружие,
Куда надежней карандаш!

Идёшь — сровняешься с рябинками,
И не покажутся вовек
Тебе
кровавыми дробинками
Их гроздья,
Добрый человек.

Предчувствие

Мелодия ещё в моей душе
Не родилась, как в оркестровой яме,
Но всё-таки предчувствие уже,
Всё заглушив, царит в партерном гаме.

Пока не все заполнены места,
И шум, как под шатрами балаганов,
Что может показаться – не проста
Задача успокоить меломанов,

Которые жуют, программки мнут.
Здесь кашель слышен, там раскаты смеха...
Волнение этих нескольких минут
Куда важнее шумного успеха.

Но вот уже погашен в зале свет.
Сейчас маэстро музыку разбудит...
И тут я умолкаю: смысла нет
Пытаться рассказать о том, что будет.

«Вот и всё. Ушла любовь от нас...»

Вот и всё. Ушла любовь от нас.
У меня в душе, как в чистом поле.
Осень. Предвечерний тихий час.
Только глухо, пусто – и не боле.

Высоко проплыли журавли
(Говорят, хорошая примета),
Но они растаяли вдали
Светлой литерой любви и лета.

И теперь моя душа пуста.
Вьюга бы скорей ворвалась, что ли?
До чего унылые места —
Даже места не нашлось для боли.

«Тот, кто несуетно умён...»

Познать тоску всех стран и всех времён.
Иван Бунин

Тот, кто несуетно умён,
Познает чуткою душою
Тоску всех стран и всех времён —
Она не может быть чужою.

Одна тоска другой сродни.
Как звуки плача в разных странах,
У всех людей сердца одни —
Они в одних и тех же ранах.

Ночные окна

Беда царит в зашторенном покое.
Недремлющие окна городов,
У вас во взгляде что-то есть такое,
Чему я дать название не готов.

Я вашего покоя не нарушу,
Не запущу булыжником в стекло,
Но только не глядите прямо в душу,
И без того, поверьте, тяжело.

Пробуждение

Я спал.
Мне показалось,
Что на лоб легла тёплая ладонь.
В детстве,
Когда я болел,
Бабушка,
Чтобы узнать, есть ли температура,
Прикладывала руку ко лбу,
А мне казалось,
Что её рука снимает боль.
Я проснулся и зажмурился – солнце!

Солдаты шли...

Солдаты шли, сутулы, хмуры,
Дорогой чести — до конца.
Солдаты шли —
И пули-дуры,
Тупые капельки свинца,
Расплющивались о сердца.

«Молва идет...»

Молва идет,
Красивых редко милуя.
Но что бы ни было,
А грязь уйдёт под снег.
И будет жизнь светла —
белей, чем лилия,
А эта женщина – чиста:
безгрешней всех.

Ночь

Ночь,
Ты хороший собеседник,
Понимающий всё на свете.
Ты видела столько,
Что почернела от горя.
Да и как такою не стать,
Замаливая грехи —
Чужие грехи.

Ночь,
Ты хороший собеседник,
Потому что умеешь слушать.
Среди людей не часто встретишь таких.
Люди суетливы.
Да и какое им дело до чужих мыслей —
Хватает своих забот.

Ночь,
Ты хороший собеседник —
Ни разу не перебила меня.
Но отчего ты всегда соглашаешься?
Знаешь, я не могу, как ты,
Мудрость хранить и копить.
Жаль, что мы только вдвоём.

«Отхлынула любовь, как полая вода...»

Отхлынула любовь, как полая вода.
В привычном русле жизнь течёт —
Нетороплива,
Как будто и не знала никогда
Волнующего праздника разлива.
Но память не даёт покоя мне:
Напоминает властно о минувшем...
Река спокойна.
Что-то в глубине —
В потоке, притворившемся заснувшим?!

«Пора приниматься за дело...»

Пора приниматься за дело —
Уже зазвенела струна,
Каким её ветром задело,
Не важно тебе, старина.

Ты знаешь: и счастье, и горе —
Всего лишь пустые слова
Для музыки, которая вскоре
На душу предъявит права.

«Гроза идёт...»

Гроза идёт —
Смеются глаза,
Хохочут груди,
Ноги пускаются в пляс:
Молнии,
громы,
ливни
И —
непокорный плащ.

Воспоминание о строевой песне

Проходит взвод, равнение сохраняя.
От шага строевого пыль столбом.
Но наша песня – песня строевая —
Как жаворонок в небе голубом.

Её легко выводит запевала,
И за собою нас ведет она
До скорого желанного привала,
Где мы поступим под начало сна.

А поздней ночью, спящих согревая
Мелодией, что теплится в душе,
Мужская песня – песня строевая —
Звучит как колыбельная уже.

«Живу – сгораю. И сгорю...»

Живу – сгораю. И сгорю.
А мог бы с тихою душою
Встречать спокойную зарю
Над безмятежною рекою.
Забыть бы смысл крамольных слов,
Что мне природа нашептала,
Когда счастливый рыболов,
Я шёл сквозь ливень краснотала.
Хрустел крупитчатый песок,
Восток алел – уже светало.
– Пораньше б выйти на часок, —
Я шаг прибавил запоздало.
Пахнуло сыростью речной.
Ещё минута – через лозы.
И я, от радости хмельной,
Сквозь навернувшиеся слёзы
Глядел, не видя ничего.
Смеялся, плакал, как в дурмане.
Кричал – и эхо: «О – го – го!»,
Как друг, откликнулось в тумане.

Первый снег

– Вот иду я – самый первый снег,
Чистый, беззащитный, обречённый,
Гибну, тая на глазах у всех,
На земле, угрюмой, грязной, черной.

И не пробуйте меня спасти,
Страхивая на крыльце с одежды.
Я, как видно, обречён идти
Без любви, и солнца, и надежды.

Поглядите лучше —
Тает снег,
Смешиваясь с грязью под ногами,
Просто снег, идущий раньше всех, —
Перед настоящими снегами.

О жизни

Спасибо жизни!
Мне она дала
И дружбу, и любовь —
Как два крыла,
Они меня несли по белу свету.

А после всё, что возвела, смела:
Любовь убила, друга отняла,
В пустыню превратив мою планету.

И я теперь один во всей вселенной,
Зато уже не корчу мудреца,
А думаю легко о жизни бренной,
Как сирый нищий, спущенный с крыльца.
Пускай меня любовью да изменой
Актерка-жизнь пытается без конца,
Спокойно я слежу за Мельпоменой,
Чтоб душу разглядеть в игре лица.

«Ещё капли канитель...»

Ещё капли канитель,
Ещё грачи не прилетели —
Осталось несколько недель,
Но это трудные недели.

А там нагрянут чудеса
В награду за упрямство веры
В сияющие небеса
И воскресающие скверы.

Печаль развеется, как дым.
И перед взором изумлённым
Весь мир предстанет голубым
И торжествующе зелёным.

«Я вспомню забытое что-то...»

Я вспомню забытое что-то
И в мыслях пройдуся по годам,
Но в прошлом зияют пустоты,
Как будто и не был я там,
Как будто я прожил неделю,
С натяжкой – две кое-как...
А прочее скрыто метелью,
Царящей в мирах и века.

Московский воробей

Зимой в столице туго,
В края бы потеплей,
Но знать не хочет юга
Московский воробей.

Зима пришла?
Но стуже
Давно царить пора.
Случалось много хуже,
А он был сыт вчера.

И так ли страшен голод,
Когда кругом свои —
Чуть зазевался голубь —
Пируют воробьи.

В метель и в день погожий
Не ведает скорбей
Взъерошенный, продрогший
Московский воробей.

Живёт — и горя мало.
Живёт — по мере сил.
Ни кошка не поймала,
Ни голод не сгубил.

Похмелье

В моей квартире, словно в склепе.
Здесь только тело без души.
Ты видишь, болен я, Асклепий,
Лекарство, что ли, пропиши
На спирте, древнее, простое
Из тех, что жгут, как зной в аду.
Быть может, в горестном настое
Я утешение найду.

...Явилась тень – и Эскулапу
(А то был он, добра адепт)
Пришлось привычно сунуть в лапу —
Иначе не достать рецепт.
Я по латыни знаю малость,
Чтоб сигнатуры разбирать,
И по складам прочёл – о жалость! —
 C_2H_5OH .
Опять.

Власть былого

Не просто наша близость начиналась:
Казалось, все случилось на веку,
Но жизнь столкнула женскую усталость
И злую холостяцкую тоску.

Из них не просто высечь искру счастья,
Залог неугасимого огня.
И надо было перевоплощаться —
Не внове для тебя и для меня.

Мы так с тобой талантливо играли!
И вскоре доигрались до того,
Что стали забывать свои печали,
И лишним оказалось мастерство.

Мы поняли, что прошлое – пустое,
Ведь прежний опыт мы копили врозь.
Его забыть – вот самое простое...
И только это нам не удалось.

«Дожди идут...»

Дожди идут,
И я иду неспешно,
Возможно, вечность, может, полчас.
Но час пробыёт – и мы уйдём, конечно,
В могилу, а потом на небеса.

Но там тоскливо в ясную погоду:
Под солнцем жарко, тени не найдёшь.
И буду я блуждать по небосводу,
Пока не встречу тёплый майский дождь.
И с ним в обнимку,
Словно два матроса,
Подвыпивших, беспечных,
Мы сойдём
На эту землю,
Где легко и просто,
Где так любил я мокнуть под дождём.

Ненастье

Г. К.

На улице серо и сыро,
А в комнатах мрак и хандра.
Вина бы сухого и сыра,
Да что-то не пьётся с утра.
Становятся пьянки обрядом
(А радость дарили в былом), —
И надо, чтоб кто-нибудь рядом
С тобою сидел за столом.

Увидеться можно бы с другом
(Недолго собратся к нему),
Но жертвовать чьим-то досугом,
Чтоб только не быть одному...

Увольте! Уж лучше химера:
Два мрака глядятся в окно —
На улице сыро и серо,
В душе и квартире темно.

Элегия

Клубились кучевые облака
Над прудом, обрамленным тополями
С листвою, опаленною слегка
Случайными пока что холодами.

В смятении была моя душа,
А тут ещё – пустое наблюденье,
Что лист, уже не первый, мельтеша,
Свершает неизбежное паденье.

Спланировал на пруд —
И зарябила гладь.
Вода заволновалась, вспоминая,
Как стужа зимняя мешала ей дышать,
Как тяжела неволя ледяная.
Лишь ворон был спокоен, как пророк,
Сидел на неподвижной карусели
И нехотя вещал о том, что прок,
Возможно, есть в движении без цели.

Воспоминания

*

В работе наступила передышка,
Но ничего весёлого в окне.
Закрыв глаза —
Бежит босой мальчишка
(И как ему не колко!)
По стерне.
Увы, он далеко, и я не вижу,
Что привело его в такой восторг.
Кричит как будто?
Если бы поближе,
Да жаль, слова относит ветерок.
От бега запыхался,
Рубашонка
Сатиновая
вздулась на спине.
Счастливый, по стерне бежит мальчонка,
Спешит, но от меня, а не ко мне.

*

Еще мальчишка,
Я стоял в бору
И вверх глядел.
Гнетущая сначала
Мелодия деревьев на ветру
Потом оптимистичней зазвучала.
Стволы соединяли явь с мечтой,
Роднили землю с высью голубою.
Они не принижали высотой,
А как бы увлекали за собою.
Я был побегом тоненьким в снегу,
Тянулся в небо, как росток, отважно.
Что дальше было, вспомнить не могу:
Смеялся, плакал...
Разве это важно?

*

Дальним
Никогда не будет местом
Край, где хата с козырьком стрехи,
Где всю горланят по насестам
Злые золотые петухи.
Где струится стежка от порога
За калитку, как ручей к реке.
Там течет пустынная дорога
И впадает в небо вдалеке.
Я и сам ушёл по ней однажды,
Без толку по свету колесил.
Уходили – были мы отважны,
Что ж вернуться не хватает сил?

(Из Рыльского)

Осень бродит, заполняет соты.
Я приехал в незнакомый край.
– Чужестранка молодая, кто ты?
– Отгадай.
– Чужестранка, дай попить с дороги.
– Зелье приворотное в воде.
Я ружье оставил на пороге,
Конь у бука ходит на узде.
Ей в глаза я глянул – и осела,
Как листва, печаль на дно души.
Осень бродит. Мне-то что за дело —
Пусть себе волнует камыши.

(Из Рыльского)

Как Одиссей, уставший от блужданий
По морю синему, я – жизнью утомлён —
Прилёг в тени под старым осокорем,
В листву зарылся и забыл про всё.

Но мысли – или тени их – мелькают
В дремоте тихой. Мельтешит листва,
Упал на ствол весёлый отблеск солнца,
И по нему скитается мураш.

И я усну под беззаботный шелест
С надеждой, что игрой увлечена
Меня мячом разбудит Навсикая,
Царя феаков тоненькая дочь.

«Доверять февралю – как довериться сердцу кокетки...»

Доверять февралю – как довериться сердцу кокетки
И в метель угодить, ведь недаром зовут снегопас
Коротышку угрюмого. Дни безмятежные редки,
А такой, как сегодня, бывает в столетие раз.
К сожалению, я не владею волшебною кистью,
И с картиной не может сравниться рисунок пером,
Но, прохожие, стойте, хотя бы на миг отвлекитесь
От привычных забот и послушайте птичий содом.

Птицы громко поют, что наступит весна несомненно.
И, быть может, чуть-чуть преждевременна добрая весть,
Но в обличье Москвы не заметить нельзя перемены —
Так теплеет лицо перед тем, как улыбкой расцвести.

«Алло...»

– Алло!
(Ау!)
– Алло!
(Ау!) —
Зов заблудившихся, заблудших.
И вы одна, и я живу
Один,
А вместе будет лучше.
Мне б только выйти из глуши,
Вам пережить бы эту муку.
Я не ищу родства души,
Но дайте, дайте вашу руку.
И через дебри – напрямик.
Не погибать же нам – красивым.
Потом, когда наступит миг
И лес отстанет, обессилив,
Я руку разожму:
Спеши,
Случайный друг.
Лети, пичуга!
Я не искал родства души —
Нам будет лучше друг без друга.

Восточный мотив

У бурного моря можно плакать,
Не боясь показаться смешным.
Никто не заметит слёз,
Никто не услышит рыданий.
А море всё понимает —
Минутную слабость простит.

(Из Рыльского) Сенокос

1

Гей, как встанет солнце над дубравой,
Как на плёсе крикнут серы гуси
И напьётся с трав росы холодной
Перепелка на лугу зеленом, —

Умываются косцы до солнца
Чистою студеною водою
Из глубокой голубой криницы,
Точат косы, и далёко слышно
Наостреней звонкую беседу.

Ходит ветер яром да горою,
Травы плачут, никнут под косою,
Зверобои вянут на покосе...
Ходит ветер, сушит белы росы.

Словно журавлиный клин по лугу
Наплывает ровно и спокойно,
Косари шагают друг за другом,
Белым войском плавно выступают.

Пот лицо рососою омывает,
Заливает очи, словно слёзы,
Клевер густо падает под ноги,
Долу клонит красные головки.

Гей земля, праматерь хлебороба,
Опоясанная синими ручьями,
В травяном повойнике высоком,
В кружевной китайчатой запаске,
В плахте, сплошь усыпанной цветами,
Ты неси, перенеси на крыльях
Косарей от края и до края!

Гей ты, ветер, парубок певучий,
Паренёк певучий да весёлый,
Ты суши скорее красный клевер,
Продувай высокие покосы!

Гей ты, солнце, государь премудрый,

Ты, небесный золотой владыка,
Ты проявляй скорее клевер,
Поливай душистыми медами,
Прикрывай горячими руками
От дождей, от лютой непогоды!

Гей вы, тучи, турки-янычары,
Вы ордой не мчитесь на облогу,
Не пугайте косарей напрасно, —
Вы идите на море, за горы,
Дожидайтесь там лихого часа!

Как заходит солнце за дубраву,
Как на плесе замолкают гуси,
Косари домой спешат лугами
К ужину, к беседе задушевной.

2

То не рыба в море разгулялась,
Не павлины в небеса взлетели,
Разбрелися девушки с граблями
По сухим дурманящим покосам.
Ясная вода, краса младая,
Что ушла ярами да гаями,
Разливайся речкой голубою,
Раздавайся песней удалою
Над покосами луговыми!

Словно звёзд на небе на Петровки
Тех копён, как звонницы высоких,
По лугам душистым разбежалось.

Но яснее звёздочек погожих,
Но стройнее звонниц лебединых
Девушка похаживает лугом,
Жалуясь родной своей сестрице:

“Ой, сестра, ты, мята луговая,
Ты, в гаю кукушка на калине!
Грусть-кручина вьётся возле сердца,
Как гадюка, сердце обвивает”.

А сестра ей: “Бедная сестрица,
То не горе – молодость играет,
То сжимает сердце не гадюка —
Черны очи опалили сердце,

Прямо в твою душу заглянули”.

Пролетает галка над оврагом,
Стадо возвращается из леса,
Над рекою разлилась, как речка,
Удалая молодая песня.

Ты кого высматриваешь, ищешь,
Отчего ты, молодец, не весел?
Или ты не видишь – красный клевер
Смётан – в копнах, ровных и высоких,
И домой торопятся сестрицы,
Две сестрицы, легкокрылы птицы.

«Рифмуются прекрасно...»

Рифмуются прекрасно
Поля и перелески,
И облака с лазурью,
И небеса с землёй.
И лишь поэта с жизнью,
Вокруг него кипящей,
Как две строки созвучных,
Не хочет видеть век.
Поэт в разладе с миром.
Какая доля злая!
Поёт – его не слышат,
Молчит – его не ждут:
Не ручеёк в сугробе,
Не жаворонок в небе...
Как трудно рифмоваться.
Не то, что рифмовать.

«Остались от любви моей к тебе...»

Остались от любви моей к тебе
Два-три стиха – одна строка в судьбе.

И те стихи живут – им дела нет
До наших “да” и “нет” и прочих бед.

Большой любви не нужно для стихов.
Для них довольно сущих пустяков:

Трёх поцелуев да десятка фраз —
Не больше и не меньше. В самый раз.

Сверхзадача

Играть себя – дурная роль.

Тоска – классическое чувство,
Но ты не прав, любезный друг.
Когда возводишь в ранг искусства
Патологический недуг.
Когда, на сцене угасая,
Стоишь, подъявляя взор горе...
Какая сила роковая
Тебя подвигнула к игре?
Неужто боль?
Но, Боже правый,
Здоровых нет среди людей,
И этой горестною славой
Не должен хвастать лицедей.
Искусства смысл и сверхзадача
Художника,
Любезный друг,
Стерев с лица гримасу плача,
Войти с улыбкой в светлый круг.

(Из Рыльского)

Качнулась занавеска на окне,
Порозовевшая в лучах заката.
И ветерок в вечерней тишине
По улочке прокрался воровато.

Там, за окном, склонился над столом
Девичий тихий озарённый профиль,
А снизу, с площади, глядят на дом
Печальный Фауст, желчный Мефистофель.

На землю от собора тень легла,
Под ним коты заводят шуры-муры,
Заухал сыч на шпиле, ночи мгла
Вот-вот укроет странные фигуры.
Плащи в пыли, заржавлены клинки,
В глазах не увидеть бывшего блеска,
Но всё ещё с надеждой старики
Глядят, как пламенеет занавеска.

К Елене

Елена, мой корабль у скал,
Весь в белой кипени ветрил.
Как долго я тебя искал,
По ойкумене колесил.

Елена, вот моя рука,
А сердце я потом отдам.
Дорога будет нелегка
И далека – в Пергам.

В пути любовью станет страсть.
Прости, Елена, что как тать
Я вынужден тебя украсть —
Корабль не может ждать.

«Утром, вечером, и ночью, и средь бела дня...»

Утром, вечером, и ночью, и средь бела дня
Я тебе желаю счастья —
в жизни без меня
Утром, вечером, и ночью, и средь бела дня.

«Любовь прошла...»

Любовь прошла.
Один – иду.
Могу успеть в кино на восемь.
Забыл часы, как на беду.
– Который час?
– Примерно осень.

«Сродни шаманству наше ремесло...»

Сродни шаманству наше ремесло:
Едва ли не сизифовы усилия
Мы прилагаем,
Но кого спасло
Оно,
Чьи распрямило крылья?

Лишь миг успокоения дают —
Спасение тому, чьи муки тяжки, —
Стихи.
Но кто считает легким труд
Смирительные шить рубашки?

«Рванутся души, словно дети...»

Рванутся души, словно дети,
Друг к другу...
Всё неймётся им!
Но нам знакомы штучки эти,
И воли мы им не дадим.

«Угрюмый и робкий, как зимний рассвет...»

Угрюмый и робкий, как зимний рассвет,
Явлюсь пред твоими очами.
Руками всплеснёшь: – Сколько зим, сколько лет!
Какими судьбами?!

Не стану я лгать о любви и судьбе,
Скажу: – Хорошо привечаем
Я здесь, потому и нагрянул к тебе.
Попотчуеть чаем?

«У тети Серафимы...»

У тети Серафимы,
Подруги бабушки моей,
Всех сыновей взяла война.
Всех. Семерых.
На целом свете не осталось никого
У тети Серафимы.

И если скажут мне,
Что я войны не видел,
Я вряд ли соглашусь:
Я тетю Серафиму
В детстве знал.
Она казалась мне добрее
Добрейшей бабушки моей.

«Безнравственна поэзия, мой друг...»

Безнравственна поэзия, мой друг,
И неотвязна, словно проститутка.
Но ты не внемлешь голосу рассудка
И посвящаешь ей одной досуг.

Очнись, взгляни, как хорошо вокруг!
Неужто этот мир – пустая шутка?
Ты сам тому не веришь... Станет жутко,
Когда, как чашка, выпадет из рук

Всё, что в угоду самоотреченью
Ты слепо отвергал, чему значенья
Не придавал. Но впереди – финал.
Тогда найдёшь ли ты себе прощенье,
Как тот, кто жизнь убив на извращенья,
Любви высокой так и не узнал.

На Родину

Я из Москвы приеду в Киев
И без волнений и хлопот
Куплю билет не на “ракету”,
А на колесный пароход —
Он старомоднее калоши
И гонит крупную волну,
Но мне спешить как раз не нужно:
Я с полпути искать начну
Полузабытые приметы
На том и этом берегу,
А после Ржищева волнение
Унять и вовсе не смогу.
Когда же из-за поворота
Пойдет Батурина гора,
Скажу попутчикам случайным:
– Счастливо плавать. Мне пора!
...Причалит к пристани уютной
Такой домашний пароход —
И я по узенькому трапу
Сбегу в толпящийся народ.
Так было прежде, так же будет
И в этот раз:
Уверен я,
Что кто-нибудь протянет руку:
– Надолго в отчие края?

Перелётные птицы

На заре просыпается дед Афанасий,
И выходит из хаты в запущенный сад,
И стоит, и глядит, как от скорых ненастий
Перелётные птицы летят.

Улетают они в чужедальные страны —
Там легко раздобыть даровые корма,
А на русской земле через месяц бураны
Возведут из снегов терема.

Над седою его головою не птицы,
А кручина-печаль распростёрла крыла.
Дед живет со старухой, а сына в столицу
Ненароком судьба увела.

Но даётся не всем городская наука,
И уходят не все из родного села —
Старики воспитали на старости внука,
А Москва и его отняла.

Неизвестно, кто поле распашет весною
И посеет хлеба. Озабочен старик.
Перелётные птицы летят стороною.
Как зерно осыпается крик.

«По снежной российской равнине...»

По снежной российской равнине
Позёмка гуляет, шурша
В серебряных былках полыни,
В сухих копьецах камыша.

По ним угадаешь, где поле,
А где озерцо подо льдом.
Гуляет поземка на воле —
Дорогу отыщешь с трудом.

Но я в этом снежном просторе
Не странник в опасном пути,
Которого гонит простое
Желанье до цели дойти.

Сам-друг на глухом бездорожье
С мятежной метелью полей —
И мысли честнее и строже,
И чувство Отчизны полней.

Рифма

У рифмы я спросил шутя:

“Кто жизни всех милей?”

– Дитя.

Ответ хорош, я сам хитрец.

“Кто с нею запросто?”

– Юнец.

“Кто знает в жизни толк?” – спросил

У рифмы...

– Муж в расцвете сил.

“А кто настолько к ней привык,

Что ничего не ждёт?”

– Старик.

“Кто станет жертвой темноты?”

Неумолима рифма:

– Ты.

Весна

Над Гаем кружит яблоневый цвет.
От соловьёв покоя ночью нет.
Не спят и стар, и млад.
Немудрено,
Что юноша домой проник в окно.
Разделся.
И на кухню босиком
Пошёл.
Увидел банку с молоком
Литровую.
Опорожнил до дна.
Вернулся, лёг – и спит уже.
Весна!

Над Гаем кружит яблоневый цвет,
От соловьёв под утро спасу нет.
Старушке и подавно не до сна.
Что внук пришёл, заметила она:
Хороший внук —
Не курит
И вина
Не пьёт,
А вот гуляет допоздна —
Весна...
О прошлом вспомнила она,
Перекрестилась:
– Ох, грехи, грехи...

В селе запели третьи петухи.

Юность

Меня охота подняла
До света. Андруши в тумане.
Иду задворками села.
Коробка с блёснами в кармане.

Они гремят – и лай собак
Меня в пути сопровождает,
Но спиннинг – палка как-никак, —
И пыл звериный охлаждает.

Уже немного рассвело.
Дорога хорошо знакома:
Мосточком – через джерело,
И дальше – лугом до затона.

Босые ноги жжёт роса,
Туман клубится по лощинам,
А на востоке полоса
Бугрится алым исполином.

Захватит на мгновенье дух:
Простор, и Днепр, и – солнце встало!
И я прикидываю вслух,
Какой блесной ловить сначала.

Раскованность

1

На смотрах строевых в былые годы
Мы занимали первые места
И знаем, что у строя и свободы
Есть общее. И это неспроста.
Раскованность дают лишь ясность цели,
Уверенность и песня в вышине.
Кто походил в строю, узнал на деле,
Что это так, а вы поверьте мне.

2

Чеканя шаг, как звонкую монету,
Проходит взвод по гулкой мостовой,
А я курю в сторонке сигарету,
А я грущу, что этот взвод не мой,
И мной овладевает сожаленье.
Но все-таки утешена душа:
В строю сейчас другое поколение,
А выправка отменно хороша!

Постоянство

Т. М.

Ты празднична. Ты любишь поклоненье,
Изящность комплиментов, треск шутих,
А я постиг высокое умение —
Любить сильнее слабых сил моих.

Не упрекну любимую в тиранстве.
Всегда с тобой – прибой у ног твоих,
Как океан, в угрюмом постоянстве
Я в равной мере жалок и велик.

«Вот и настала пора...»

Вот и настала пора —
С мыслями чувства в раздоре.
Полно! А я ли вчера
Думал, что горе не горе?

Может быть, кто-то другой
С песней дружил молодою
И под печальной Луной,
И над бегущей водою?

Мог ли я знать, что душа
Чем-то сродни домочадцу —
Только тогда хороша,
Если тревожит нечасто.

«...И ты упал в цветы...»

...И ты упал в цветы,
Под головой – рука.
Раздумья и мечты
Вольны, как облака.

А солнце вниз глядит,
Где травы, ты и тишь,
Как старый друг, молчит.
И ты лежишь, грустишь.

Приятный холодок —
То облако плывёт,
Как носовой платок,
С лица стирает пот.

Настолько высь близка,
Что трудно быть родней...
Травинка у виска.
Мураш ползёт по ней.

«Не сетуй, что песенка спета...»

Не сетуй, что песенка спета —
Её не бисировать, брат,
Важнее, что песенка эта
Сложилась почти наугад.

Слова ненароком слетелись,
На старые ноты легли.
Её несказанная прелесть —
От века загадка земли.

Услышали люди – и ладно,
А нет – оборвать не спеши...
Хватило бы только таланта
Исполнить её от души.

Надпись

На этом фото я хорош:
И молод, и оптимистичен.
Судьбу не ставлю ни во грош,
Не избегаю зуботычин

И веселюсь от всей души
(Не мне – моей улыбке верьте)...
О как мы были хороши
За полстолетия до смерти!

«Справа сосны, слева ели...»

Справа сосны, слева ели.
Прямо – пруд невдалеке.
Солнце жжёт. Снега осели.
Кто-то слышен в лозняке.

Мне знакомы эти трели.
Голос помню. Только чей?
Погодите... Неужели
Первый мартовский ручей?

Март

Вот ведь утро какое хорошее:
И морозец, и солнце, и тишь.
Под ногами крупчатое крошево —
По нему не идёшь, а летишь.

До полудня как раз равновесие.
А иссякнет морозца запас —
И снежок посереет, размесится...
Нет! Не будем о грязи сейчас.

Примета

Когда плотва пойдёт на икромёт,
Ступай к едва зелёному леску —
И душу неминуемо проймёт
Несмелое весеннее “Ку-ку!”

Считать остаток жизни, как юнец,
Не станешь ты (и, верно, недосуг),
Покамест бурый в крапинку самец
Приманивает ветреных подруг.

Но волшебство и в этой песне есть:
Как ни бесхитростно проста она,
А все же это весть — благая весть
О том, что и до нас дошла весна.

Голоса

1

Забуду ли, как лицеист кудрявый
Ужалил сердце мыслью злой и здоровой:

Страна, где первых нет – одни вторые,
От века называется Россия.

Век не дорос до эдаких суждений.
И никаких сомнений – это гений.

2

На балах царил веселым бесом,
Возбуждал молвы круговорот,
Самым легкомысленным повесам
Прибавлял сомнений и забот.
Мельком глянет – и зарделись дамы.
Сколько метил – столько раз на дню
Стрелы били в сердце. Эпиграммы
Пробивали светскую броню.

Довелось не одному вельможе
Испытать, как от его строки
Северный мороз дерёт по коже.
Что там записные остряки!

Жил, как пел. Упрямо верил в чудо
Да в приметы. И наверняка
Сам бы не сумел сказать, откуда
Появилась нужная строка.

3

Наскучили ему анкураже.
Пришла пора смирить страстей тиранство
Душа покоя просит. Он уже
Всего сильнее ценит постоянство.

Куда пойдёшь с потрёпанной душой?
С уединеньем в дружбе вдохновенье.
Привычный щей горшок да сам большой...
В женитьбе он решил найти спасенье.

4

Нет, я не стану говорить ни о любви, ни о стихах.
Об этом всё и навсегда сказала смолкнувшая лира.
Певца уж нет. И у меня одна молитва на устах:
– Да будет мир его душе. О женщина, создай себе кумира!
Когда я потеряла мать, настала трудная пора.
Немногие во мне участие принимали, и в их числе поэт.
Я восхищалась им, как светлым гением добра,
И забывала о своей печали.
А разве я смогу забыть, как радовался он,
Когда моя двухлетняя дочурка Оля
Однажды на его поклон
И на вопрос: “Как вас зовут?” – ответила умильно: – Воля!

Нет, я не буду говорить ни о любви, ни о стихах.
Об этом сам поэт сказал – за всех и до скончанья мира.
Его уж нет. И у меня одна молитва на устах:
– Да будет мир его душе. О женщина, не сотвори кумира!

5

...И в три мы чокнулись, не зная,
Что вместе пьем в последний раз.
Как вышли – сразу стужа злая
Нам слёзы вышибла из глаз.

В его руке свеча дрожала
(Поныне светоч не потух).
И до сих пор не отзвучало:
– Про-ща-а-й, друг!

Признание

Люблю я жизнь.
Как та змея,
Что загляделась в чашу яда,
Перед загадкой бытия
Не отворачиваю взгляда.
Она пленительней влечёт,
Чем темной ночью тихий омут,
Где, может статься, даже чёрт
Об эту пору ногу ломит.

Я жизнь люблю.
Ее щедрот
Не избежал и тем утешен,
Что каждый резкий поворот
Судьбы
Пока что был безгрешен.
И дай-то Бог не хуже —
Власть
Прожить,
Воспеть самозабвенно
Её оставшуюся часть —
От Мендельсона до Шопена.

Мастерство

Мастеру не свойственна нервозность.
Чтобы дело делать мастерски,
Надо накопить в душе серьёзность
С некоторой примесью тоски.
И пойдёт работа – наслажденье
И мученье – в свой черёд и срок.
Что ещё сказать? А вдохновенье —
Это так... залётный ветерок.

Ночной костер

Затея золотая —
Ночной костер зажечь
И тенью, вырастая,
На стену мрака лечь.

Смотреть заворожённо,
Как реют над костром
Пурпурные знамёна,
И думать о своём.
Огонь читать, как повесть,
Где что ни слово — меч.
Мятущаяся совесть
И пламенная речь.

Красота

О сколько за века кромешные
Богов, титанов и людей
Проследовало через грешные
Объятыя первой из ...
О скольким безобразным чудищам
Она подставила...

Но, как в былом, теперь и в будущем
Венера утром – на виду
У Солнца – в море искупается —
И снова девственно чиста.
Сама собою искупается
Божественная красота.

«Я встречал красивее, чем ты...»

Я встречал красивее, чем ты,
Был влюблён, казалось, не на шутку,
Но, как вспомню, вольные мечты
Подчинялись всё-таки рассудку.
А теперь – с тобою – я другой:
Словно стих, рождённый без помарок.
Всякое свиданье – дорогой,
Умопомрачительный подарок.
Вот ведь что случается с людьми:
Столько раз влюблялся беззаботно
И не знал, что можно от любви
Поглупеть. Что это так почетно!

«Не обижай и мураша...»

Не обижай и мураша,
Иди, не забывая,
Что он такая же душа,
Как мы с тобой, живая.

И просто так цветы не рви:
Они не зря воспеты —
Лишь выражением любви
Пусть будут их букеты.

«Кого ты только не оплакал...»

Кого ты только не оплакал,
Старинный друг, в своих стихах:
И тех, кто был посажен на кол
Не помню уж в каких веках.
И тех, с кого содрали кожу
За пять столетий до тебя,
И тех... Примеров не умножу.
Ты всех восславил, но скорбя.
Я на тебя сердит за это.
Мой давний друг, не надо слёз —
Как плач ребёнка, боль поэта
Не принимается всерьёз.
А если чем-то не доволен,
То не скули в своем углу.
Поэты с главных колоколен
Должны греметь проклятья злу.

И снова осень

И снова осень.
В эту пору —
То свадьба, то конец любви.

Созрели яблоки раздора,
Какое нравится – сорви.

И я не тот,
И ты иная.
Прости и злом не помяни.

Созрели яблоки познания
И навалились на плетни.

Не ты со мной,
Не я с тобою —
Теперь нам врозь встречать беду.

Какое небо голубое!
Какие яблоки в саду!

(Из Франко)

Бескрайнее поле за снежной стеною,
О дай мне простора и воли!
Я сам на равнине, лишь конь подо мною
Да в сердце прибежище боли.
Скачи же, мой конь, по широкому полю,
Как вихрь, что на воле гуляет,
А вдруг я сумею умчаться от боли,
Что сердце моё разрывает.

(Из Гейне)

Поднялся властительный кедр на утёс
И встал над полярной пустыней.
Свирепствуют вьюги. Но дремлет колосс,
По-царски закутавшись в иней.

И юную пальму он видит во сне.
Да только царица Востока
Не знает о нём и его стороне.
Стройна и горда. Одинока.

Ветеран

Опять ветерану не спится.
Опять в тишине, в полусне
Ему отступать от границы,
Шагать по родимой стране.
Метаться в котлах окружений,
С боями идти на рассвет.
И вынести из поражений
Священную ярость побед.
Столкнуться с тоскою и скорбью
И кровью окрасить снега,
Но все же в лесах Подмосковья
Сдержать и отбросить врага.
Потом, сокрушая твердыни,
На запад прокладывать путь...
И лишь в покорённом Берлине
Под утро спокойно заснуть.

«Никогда наподобье улитки...»

Никогда наподобье улитки
Не таится в себе доброта,
Простодушность не прячет улыбки,
Не марает себя чистота.

Откровенны высокие чувства,
Хитроумия в них не найдёшь.
Не нужны им услуги искусства
Под всеобщим названием – *ложь*.

«...И пришла золотая пора...»

...И пришла золотая пора
Листопада – чудес наяву.
Отправляйся в дубраву с утра
Собирать золотую листву.
Насуши, истолки в порошок
И крутым завари кипятком.

Настойтся в назначенный срок —
Авторучку с любимым пером
Снаряди тем настоём густым.
Вспомни всё, что узнал на веку,
И легко, без нажима, пером золотым
Напиши золотую строку.

«Когда другие в мыле прямиком...»

Когда другие в мыле прямиком
Стремились к явной цели,
Мы вдоль дороги шли себе бочком,
Играя на свирели.
И людям не пускали пыль в глаза,
И ближних не топтали.

Что наша жизнь? – как на щеке слеза
Восторга и печали.
Когда умрём, легко забудут нас.
Но разве мы не правы —
Ни денег не скопили про запас,
Ни для бессмертья славы.

«Память ранней тихой осенью...»

Память ранней тихой осенью
Беспощадней, чем всегда,
Засыпает нас вопросами,
А ответ один – беда.

Вот и листья кружат —
Весело,
Но отнюдь не веселя.
Золотые.
Вексель к векселю.
Сплошь засыпана земля.

Спор

Мефистофель

Мой друг,
Пора гордыню
Смирить
И просто жить на свете.
Забудь отныне,
Что ты за всех в ответе.

Фауст

Допустим, я когда-нибудь
На миг или навек
Забуду о других...

Мефистофель

Забудь,
Упрямый человек!

Фауст

Но я сказать хочу...

Мефистофель

Ты продал душу
За разум, не за доброту.

Фауст

Я договора не нарушу,
Но всё ж душа...

Мефистофель

Оставь тщету!
У вас в юдоли
Иные к счастью есть пути.

Фауст

Но нет завидней доли,
Чем душу грешную спасти
От боли.

Мефистофель

Бог с тобой!

Фауст

Прости,
Но имя Божье в нашем споре
Не довод – будь логичней впредь.

Мефистофель
Я уступаю —
Только горе
Тебя заставит поумнеть...

Приглашение на дачу

Норовят сердца – одно к другому,
Тянется душа к душе родной.
Милый друг, презрев дела по дому,
Приезжай в ближайший выходной.

У меня созрело молодое,
Собственной фантазии вино.
Мы с тобой не греки – и с водою
Никогда не встретится оно.

Кануло в вине немало истин, —
Видно, плохо плавали они.
Приезжай. Под шорох мёртвых листьев
Сладко вспоминать былые дни.

«Отпылала листва и опала...»

Отпылала листва и опала,
Как усталое пламя костра...
Не в новинку.
А грусть
Небывало
Остра.

Отгорела любовь, миновала.
Но история эта стара,
Как наш мир...
А печаль
Небывало
Остра.

Отболела душа, отстрадала —
Отлетела от плоти сестра...
Не впервые.
А боль
Небывало
Остра.

Южный Крым

1

Морские дали, светлые, живые,
И горы полукругом – наяву.
Они застыли молча,
как впервые
Увидевшие эту синеву
Неведомые орды кочевые.

2

Суровый старик, сединой убелённый,
Утешиться может и малым —
Служением вечному Богу.
А дева...
Грешить, а не каяться ей подсказала пора:
В сиреновом платье и шали зелёной
Алупка сбегает по скалам
К морскому беспечному Богу
От гнева
Привратника царства Господня Святого Петра.

3

Уже вскипает вал.
Нырни,
Взмахни руками
И с волною
Плыви от берега.
Одни
Вы с морем —
С миром за спиною.

В избытке сил играй судьбой —
Врачуй безумным риском душу.
А надоест —
Назад с волной
Вернись
и опустишь на сушу.

Ляг на песок,
Глаза зажмурь —
И ощутишь в плену покоя,
Что от былых житейских бурь
Остался только шум прибоя.

4

На спящей Кошке чайки гнёзда выют —
Косынками мелькают над вершиной,
Где находили некогда приют
Аборигены Таврии старинной.
Потом Евксинским Понтом в этот край
Приплыли греки, для которых скудным
Был их пелопонесский каравай,
А вслед за ними по тропинкам трудным
Взбирались лавр, лоза и кипарис
И утверждались на прибрежных скалах.
С тех давних пор название Симеиз —
Приметный знак —
Встречается в анналах.

Страна берендеев

Высыхают озёра и рощи редуют,
А не тронуло время страну берендеев.
Я доверюсь когда-нибудь картам старинным
И отправлюсь по тропкам и лазам звериным
Во владенья медведей, в олени уголья,
Одолею болотной трясины разводья,
И густые поля, и большие поляны,
И пороги, и горы...
Как разные страны,
Всё пройдёт стороной —
Много видов прекрасных.
Но в пути я не встречу соблазнов опасных,
А узнаю – легко, как сомненья, отрину.
И воздастся беспутному, блудному сыну:
Лишь ступлю под зелёные звонкие своды,
Как придёт ощущение безмерной свободы.

«Это трудно объяснить...»

Это трудно объяснить,
Но всегда легко понять:
Как разорванную нить
Без ущерба не связать,
Так сердца соединить
Без потерь нельзя опять.

После ссоры всякий раз
Мы расходовать должны
Золотой запас любви.
Стоит мир такой цены,
Но насколько хватит нас
И растраченной казны?
НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ
Играет бликами зари
Холодная эмаль.
Пылай закат, – дотла сгори,
Сожги мою печаль...

Вдали прощальный луч угас,
Но дня почти не жаль —
Сегодня не в последний раз
Была открыта даль.

Живой надеждами живёт,
Ведь жизнь идёт вперёд,
А значит, от её щедрот
И нам перепадёт

Росток

Кругом далекая равнина...

А. Блок

Земля родимая,
Твой кровный,
Твой чудом выживший росток,
Стою среди равнины ровной,
На перекрёстке всех дорог.

Какие вьюги здесь рыдали,
Какие беды здесь брели!
Как будто все земные дали
Столкнулись на клочке земли.

Как будто все века глухие
Прошли в один короткий срок.
Но мы живём:
И ты, Россия,
И я, пробившийся росток.

Тепло весеннего рассвета
Меня согрело в первый раз...
Какая радость знать, что это
И для тебя счастливый час!

«Душа десятки лет во мне...»

Душа десятки лет во мне
Живет костром неугасимым;
И светлые мечты
В огне
Горят —
Клубятся горьким дымом.

А сколько их, молодых сестёр, —
Надежд
Взошло чредой печальной
На этот жертвенный костёр —
В огонь священный, погребальный.

Но и в глухой полночный час
Огонь старался, слава Богу,
И помогал найти не раз
Во мраке
Ясную дорогу.

Придёт пора —
Душа дотла
Сгорит в огне самосожженья...

– Душа пылала —
И жила.
Сгорев,
Она избегла тленья.

«Молодец, сбившийся с круга...»

Молодец, сбившийся с круга,
Да удалая вдова
Поняли тотчас друг друга —
Лишними были слова.

Крепко тебя обнимают
Белые руки вдовы.
Тают, снежинками тают
Все поцелуи, увы!

Здесь, на просторе великом,
Просто удачу найти.
Только таким горемыкам
К счастью закрыты пути.

В жарких объятьях подруги
Ты не оттаял душой,
И королесящей вьюге
Не отогреться с тобой.

Разговор

– Для любви зима – беда.
Душу у соседки
Остудили холода:
Встречи стали редки.

– Я боюсь не холодов.
На сердце истома.
Опасаясь я следов
У порога дома.

– Пересудам счёта нет.
Всех не успокоишь.
Можно скрыть любой секрет,
А любовь не скроешь.

– Мама выйдет на крыльцо
И увидит строчки.
Что про это письмецо
Скажет после дочке?

– Разве можно ждать беды
От любви хорошей?
До рассвета все следы
Заметёт порошей.

Подсолнухи

Культурам разного достоинства
На ровных грядках место есть,
Но здесь,
Как в сложной массе воинства,
Не по одним заслугам честь.
Пример —
Подсолнух:
Щедро,
Празднично
Одаривает край чужой,
А занимает место —
Разве что
Клочок обочины с межой.
Не балуют его колхозники:
Не помидор – не пропадёт.
И подтверждает осень поздняя,
Что оправдался их расчёт.
Глядишь —
И вправду:
У околицы
На сажень выше городьбы
Застыли строем добры молодцы —
Сплошные русые чубы.
Как перед девицею-павою
Красавцы, первые в селе,
Стоят подсолнухи —
Кудрявые
И словно чуть навеселе.

Сокровенное

...Печаль моя светла.

А. С.Пушкин

В толпе столкнуло нас людским прибоем,
Да развела судьба – теперь навек,
Но удалось почувствовать обоим,
Что повстречался славный человек.

Спасибо вам за добрую улыбку,
Нечаянно подаренную мне.
Я сохраню её, как море рыбку,
На дне души, в холодной глубине.

Среди житейских бурь и треволнений
Минута сокровенная была,
И не осталось горьких сожалений,
А разве что печаль – и та светла.

О любви к природе

Похоже, в наше время стали модой
Признания (которым грош цена)
О радости общения с природой...
Как будто в них нуждается она!

Загадочны её метаморфозы
И отрешённо неприступен лик.
Наивно объяснять морозы, грозы
Заученными строчками из книг.

Томительным величием природы
В смятение повергнется душа.
“А где же ощущение свободы?” —
Окатит как водою из ковша.

В дремотный полдень или ночью звёздной
Лицом к лицу столкнёшься с ней опять —
И не отважишься богине грозной
Признанием в любви надоедать.

«Из белой и сиреневой синели...»

Из белой и сиреневой синели,
Летели за руладою рулада
Пернатого, столь знатного певца,
Что называть его уже не надо.
А небеса столь искренне синели —
Не отвести восторженного взгляда.
И тешились надеждами сердца,
Как будто в жизни сада – вся отрада.

«Последние листья подлеса...»

Последние листья подлеса
Шумят на октябрьском ветру,
Но сдвинется туч занавеска —
И солнце затеет игру:
Лучи по коричневой, бурой
И желтой листве заскользят.
Не часто у осени хмурой
Теплеет задумчивый взгляд.
Глядишь на неяркое солнце,
На тусклые эти лучи —
И кажется: в дальнем оконце
Затеplилось пламя свечи.
И ты, бесталанный прохожий,
Идёшь на мерцающий свет,
В избушке хозяйки пригожей
Находишь приют и привет.

Июль

Дошло зерно в початках кукурузы
До спелости молочно-восковой,
И на баштане дыни и арбузы
Растут, как на опаре дрожжевой.
Поспел налив, и зажелтела дуля¹,
А белая черешня отошла.
Расплавленному золоту июля
Под силу всё живое сжечь дотла.

Ни облачка на выгоревшем своде,
Ни пяди тени на земле. Невмочь Ни человеку, ни живой природе

—

Скорей бы знойный день сменила ночь.

А вечером над пыльным небоскатом
Зарницы заиграют кое-где,
И дальним замирающим раскатом
Гроза опять напомнит о дожде.

Заснуть не даст глухой порой ночью,
Вселит надежду жителям села.
Теперь бы только где-то стороною
Она, как наваждение, не прошла.

¹ Дуля венгерская – сорт груш.

«Прощайте навек, Андруши...»

Прощайте навек, Андруши²,
Отчизна моя дорогая,
Столица родимого края,
Любимая песня души.

Послушные воды Днепра
Уже затопили округу...
А кажется – будто по лугу
Я мальчиком бегал вчера.

Я помню, где были ручьи,
Озера, дороги и нивы.
А чибисы плачутся: “Чьи вы?”
Неужто и вправду – ничьи?

Сюда возвращаться всегда
Душе, обратившейся в память, —
Кружить и кружить над волнами,
Как птице, лишенной гнезда.

² Село Андруши попало в зону затопления Каневской ГЭС.

Лесное молчание

В любимом старом смешанном лесу
Его душа на миг смешалась.
Послышалось:
– Не бойся, я спасу,
И знай – сочувствие – не жалость.

Берёза первая произнесла
Слова отрады беспредельной:
– Ты должен помнить, что душа
Не зла,
А доброты сосуд скудельный.

И к этому добавила сосна:
– В беде мужская честь – опора.
Ты сохранил её – тебя она
Оберегает от позора.

Стояли молча старые дубы,
Но тоже словно убеждали,
Что для мужчин любой удар судьбы —
Пустяк, не стоящий печали.

...Ничто, казалось, не произошло
Среди молчания лесного,
А у него на сердце отлегло,
Душа была на месте снова.

«Увы, снисхождение к людям...»

Увы, снисхождение к людям
Выносят из прожитых лет.
Но все же других не осудим —
Не каждый душою атлет.
И это похоже на жалость,
В которой признаться грешно.
Так что ж тебе, милый, осталось?
Ты знаешь — осталось одно:
Посильно служить добротою
И в жизни, и в честных стихах.
И с этой нелепой чертою
Остаться навек в дураках.

Родословная

От Щека, Хорива и Кия
Да Лыбеди в давней дали —
Представишь: века — да какие! —
Днепровской водой протекли.
Ходили на Русь печенеги,
Грозил половецкий полон.
Из Дикого поля набеги
Неведомых орд и племен.
В ночи от пожаров светало —
Облавой катилась орда.
Казалось, гибель настала,
Но Русь уцелела тогда.
Ордынское иго — до срока,
Про это особая речь...
Потом появилась дорога
На Низ, в Запорожскую Сечь.
И стали казаками предки —
Сторожей на юге страны.
У нас родословные редки,
Но живы дела старины.
Горжусь, россиянин природный,
Что рос в приднепровском селе,
Что жизнью и долей народной
Прикован я к этой земле.

«Там, где стоят над атоллom...»

Там, где стоят над атоллom
Пальмы с корнями в песке,
Легче остаться весёлым,
Проще не сгинуть в тоске.

Там, где над синим заливом
Солнце палит, как в аду,
Легче родиться счастливым,
Проще осилить беду.

Там, где последнего рая
Небо доступно тебе,
Легче, чем здесь, умирая,
Не сожалеть о судьбе.

«Леса в апреле сиротливы...»

Леса в апреле сиротливы —
Не слышно птиц.
И в парке старом
Сегодня, как в предзимье, тихо.
Но к золотым барашкам ивы,
Наполненным пыльцой с нектаром,
Уже летит, жужжа, шмелиха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.